

воспринимать как «нечестие», прогневившее Бога. Хан дважды бежал из Казани, «гонимый Божьим гневом», опасаясь столкновения с московскими войсками.

Итак, рассказ великокняжеского летописца очень содержателен. Можно предположить, что данное обстоятельство связано с наличием широкой базы источников. Однако в тексте московского книжника много места отведено эпитетам и парафразам, усиливающим смысловую нагрузку и придающим сообщению не столько описательный, сколько оценочный характер. Пространность статьи можно связать с широтой ее идейного замысла, который заключается в том, что Казань — город грешников-нечестивцев, обреченный на разрушение и опустошение, спасти его может только покровительство православного государя. Подобный взгляд оправдывал власть Москвы над Казанью и вписывался в русло идей христианской космологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 6. Вып. 2. М.: Языки русской культуры, 2001. VIII + 446 стб.
2. ПСРЛ. Т. 24. М.: Языки русской культуры, 2000. XII + IV + 272 с.
3. ПСРЛ. Т. 26. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 412 с.
4. ПСРЛ. Т. 37. Л.: Наука, 1982. 228 с.

*Яков Григорьевич СОЛОДКИН —
зав. кафедрой истории России
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета,
доктор исторических наук, профессор
hist2@yandex.ru*

УДК 93/99

ИЗ ИСТОРИИ ЗЕМСКОГО СОБОРА 1598 г. (СКОЛЬКО РАЗ И КОГДА «ЦЕЛОВАЛИ КРЕСТ» БОРИСУ ГОДУНОВУ?)

FROM THE HISTORY OF THE ASSEMBLY OF THE LAND OF 1598. (HOW MANY TIMES AND WHEN DID PEOPLE SWEAR ALLEGIANCE TO BORIS GODUNOV?)

АННОТАЦИЯ. В статье аргументируется вывод о том, что подданные присягнули царю Борису вскоре после его избрания на Земском соборе. Высказанная рядом ученых мысль о вторичном «крестоцеловании» новому государю, которое состоялось в «пору жатвы» 1598 г., представляется неоправданной.

SUMMARY. The article contains a reasoned conclusion that Tsar Boris's subjects swore allegiance to him shortly after his enthronement by the Assembly of the Land. The idea of a number of scholars about a repeated oath of allegiance to the new monarch that took place during the 1598 harvest time is proven to be unfounded.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Земский собор, воцарение, присяга, Борис Годунов.

KEY WORDS. The Assembly of the Land, enthronement, oath of allegiance, Boris Godunov.

Немало проблем первого в русской истории «государева обирания» донныне остается дискуссионным. В частности, не вполне ясно, однажды либо же еще раз и в какое время подданные присягнули Борису Федоровичу.

По словам Н.М. Карамзина, с возвращением бывшего правителя, а теперь государя, из Новодевичьей обители в Москву (26 февраля 1598 г.) ему «с усердием целовали крест» [1;2]. Л.Е. Морозова тоже считает что Борису Годунову принесли присягу сразу после избрания на трон [2;73]. По мнению С.П. Мордовиной, «собор целовал крест» новому самодержцу в феврале—марте 1598 г., о чем говорится в составленной спустя несколько месяцев «Утверженной грамоте» (далее — УГ): «Борису Федоровичу ... в разрядных и земских делах кручины не приносить ... по прежней целовальной записи» [3; 131]. На взгляд Н. Ф. Дробленковой, армия присягнула занявшему накануне «верх царския всеа высоты» [4; 74] во время «апрельского похода под Серпуховом» [5; 96; 6; 166]. Сведениями об этом мы, однако, не располагаем, да и поход нового московского «скипетроносца» на берега Оки, предпринятый с целью отразить возможное нашествие крымцев, относится к 7 мая—2 июля [7; 215; 8; 226, 227].

С точки зрения С.Ф. Платонова, Москва стала присягать наиболее видному из Годуновых вскоре после его согласия «взять престол» (21 февраля), «в исходе» этого месяца и «в первые дни (до 9 — прим. авт.) марта», но подкрестная запись от 15 сентября, сделанная в Соли Вычегодской, заставила исследователя предполагать, что совершалась и «вторичная присяга ..., повторенная, быть может, по случаю венчания Бориса на царство (3 сентября — прим. авт.)»; ее принесли, как утверждал ученый, вследствие угрозы для нового самодержца со стороны Симеона Бекбулатовича «в мае и позднее», — если верить «слогателю» «Временника» дьяку Ивану Тимофееву, в пору жатвы [9; 154, 155; 10; 312–315, 317, и др.].

Как считает Р.Г. Скрынников, после 15 марта 1598 г. в Казань, Нижний Новгород, Смоленск, Новгород, Псков и другие города выехали эмиссары Бориса (их «посылку» многие исследователи относят к марту или апрелю [3; 135; 8; 223–224; 11; 133–134, и др.]); весной присяга состоялась, но только в провинции, а не в Москве, где Боярская дума, как и в конце февраля, отказалась «целовать крест» «рабоименному» «десподу» (по определению Тимофеева), и лишь во время жатвы (последние дни июля–август, если не исход лета), даже в сентябре, столица признала власть «миролюбца». Недаром «список с подкрестные записи (слово в слово) у Соли Вычегоцкие Федора Чередова» был сделан 15 сентября 1598 г.; посланный «из Москвы несколькими неделями раньше», этот текст отразил «июльско-августовскую присягу» [12; 117–120, 126, 127; 13; 137, 138, 144, 200; 14; 240, 253–254, и др.]. В глазах А.А. Зимина уже 17 февраля Земский собор принес Борису Годунову присягу на верность; вскоре после 21 февраля «приступили к процедуре» «крестоцелования», состоявшейся в марте–апреле. По возвращении царя из Серпуховского похода «снова повсеместно проводится присяга ... во время «жатвенных» (как писал Тимофеев. — прим. авт.), т.е. поздним летом–ранней осенью» [8; 222–224, 227]. На две присяги «поставленному» «во главу всем людям» шурина «освятованного» Федора, вторая из которых обязывала не желать «царства» Симеону Бекбулатовичу, указывают также А. П. Павлов и В. И. Ульяновский, хотя, по наблюдению последнего, коронация, во время которой происходило помазание на царство, считалась гораздо важнее присяги [7; 219–220; 15; 47, 136].

Как видно, все исследователи, писавшие о двукратном «крестоцеловании» Борису Федоровичу, ссылаются на показание Тимофеева, хотя в приурочивании свидетельства дьяка отнюдь не единодушны.

В главе «Временника» «О крестном целованье Борису» читаем, что оно «по многи (в переводе О.А. Державиной несколько, что следует признать ошибкой. — прим. авт.) дни творящися, дондеже все безчислие людское клятве подложиса, день дне, в жатвеня до девятого часа и вящще неисходно молву в церкви продолжающе»; в Москве присяга приносилась в Успенском соборе, «и по градом такоже сия клятва во святилищах (храмах. — прим. авт.) бысть» [4; 67–69, 236–238]. Тимофеев мог иметь в виду не присягу в пору жатвы, а окончательное утверждение Бориса на троне. Ведь, по убеждению «списателя», короновавшись, Годунов «желаемому си неявлену хотению збытием конец приим». Дьяку представляется, что «державнии ... плод горести ... пожаша и в снопы связаша», родственники М.В. Скопина-Шуйского в плену «зависти своя с прочими зол жатвы рукояти прияша», а Лжедмитрий I царевну Ксению «яко несозрела класса пожат, — во мнишеская облек». Однажды жатвой во «Временнике» читается создание самой этой «хартицы» [4; 58, 85, 110, 116, 126, 137, 152]. (Примечательно, что как заявил имперскому дипломату Н. Варкочу посольский дьяк А.Я. Щелкалов, «мы, работники (включая Бориса Годунова. — прим. авт.) сообща пожем с Божьей помощью плоды здесь, на земле, и там — в другой жизни» [12; 87–88; 13; 114]). Судя по контексту тимофеевского упоминания о времени «клятвы» новому «мирообладателю», речь идет все же о днях жатвы. Но хотя дьяк являлся очевидцем и даже участником многих событий 1598 г., он, по мнению Р.Г. Скрынникова, «составил свои записки на склоне лет и многое забыл» [13; 115]. Помимо ошибочных известий «Временника», уже отмеченных исследователями [4; 479, ср. 467; 13; 113, 115–116; 15; 24, 236, ср. 53, 337; 16; 189, 219, и др.], укажем на сообщения знаменитого публициста о том, что «скрижалъ велию на хартии с печатленьми», т.е. УГ, подписали «от первосвятитель и синглит весь, даже бо и до нарочитых», и только [4; 74. Ср. 13, 148–150; 17; 323, 330–333], а до 1598 г. в многолетствованиях жены и сыновья государей не упоминались [4; 71. Ср. 18; 106–107; 19; 160; 20; 416]. Во «Временнике» сказано, что «новоизбранный наш хотяй быти царь» двинулся в Серпухов, узнав от направленного Федором Ивановичем «в послании» к Гази-Гирею про отсутствие у хана замысла нападать на Русь. В действительности гонец, выехавший в Крым еще при «доброчестивом» преемнике Грозного, — И. Бунаков — вернулся от «чюжеверных» к берегам Оки уже с посланцем самого Бориса Л. Лодыженским. Утверждение Тимофеева, будто согласившись принять скипетр, Борис «много не отлагая, от лавры (Новодевичьего монастыря. — прим. авт.) паки вниде во град (Москву. — прим. авт.)», тоже нуждается в уточнении.

Напомним, что обычно новому царю присягали сразу после его вступления на трон [15; 46–49, 58; 21; 213–214, 219, 241, 242, 256, и др.]. Тимофеев не упоминал о двух «крестоцелованиях» Борису, хотя уверял, что тот — злой властолюбец, сам «крестопреступный в клятве» (вероятно, Грозному и его «блаженному» преемнику) — собирался «твердее же и преждебывших его царей крестную ему в людех утвердити клятву во утверждении царства», «связал всех клятвенною узою», «страхом привед всех с принуждением х клятве», впервые распорядился приносить ее в храмах, дополнил «клятвописание» «прилогом», губительным «человеческим душам», велел составить УГ — «миролюбовную хартию», посредством которой и других «прехитрых коварств» и «утвержашеся сам» [4; 26, 31, 52, 66–72, 74]. В одной из псковских летописей читаем о мартовской присяге вдове Федора Ивановича царице Ирине и майской — ее брату. В Пискаревском летописце говорится, что крест Борису Федоровичу «почали целовати на Москве и по городом, и по всем местам Русские

державы», причем еще до Серпуховского похода [21; 201; 22; 265]. Что касается сохранившейся в широко известном Строгановском сборнике крестоцеловальной записи, сделанной в Соли Вычегодской 15 сентября, то в этот день мог быть сделан список с текста ранней присяги. Известно, что «тетрати в коже» — «положение Никиты Строганова» в сольвычегодский Благовещенский собор — содержали произведения «о царском молении о благоверном царе и великом князе Борисе Федоровиче всея Руси, о поставлении и о (точнее, с. — прим. авт.) подкрестной снимок (вероятно, список. — прим. авт.) и со утвержение грамоты список» [18; 133]. Осталось неотмеченным, что Ф. В. Чередов — один из самых видных в конце XVI—начале XVII вв. галичских выборных дворян [23; 150, 215]. Стало быть, он не скопировал подкрестную запись в Соли Вычегодской, как находит Р. Г. Скрынников, а привез ее туда. Это могло случиться еще весной, ибо 15 сентября — это, как полагал еще С.Ф. Платонов, дата списка.

По донесению оршанского старосты А. Сапеги литовскому гетману Х. Радзивиллу, Борис Федорович узнал о намерении части бояр избрать в цари бывшего «великого князя» Симеона Бекбулатовича, когда стало известно о вторжении татар, и уговорил враждебных ему представителей знати отказаться от этого замысла, ссылаясь, в частности, на то, что Симеон живет в Сибири. В действительности прежний касимовский царевич проживал тогда в селе Кушалино неподалеку от Кашина [13; 62]. По версии Сапеги, в апреле ряд бояр вознамерился противопоставить почти забытого в Москве Симеона Борису то после выступления «новоизбранного» государя в Серпухов, то еще накануне. Эти неточности, как и уже привлечшие внимание С.Ф. Платонова и А.П. Павлова [9; 155; 10; 317, 385; 24; 58, 59], заставляют с осторожностью воспринимать показания оршанского старосты.

В представлении Р.Г. Скрынникова текст летней присяги Борису, воспрещавший «сноситься» с «царем» Симеоном и «думать» о передаче ему престола, значительно отличается от мартовского. Такое суждение должно считаться явным преувеличением. Кандидатуру Симеона Бекбулатовича, не исключено, противники «Большого» Годунова (так называется Борис Федорович в сибирской «Книге записной» [25; 140]) выдвинули еще ранней весной, если не сразу после решения Земского собора передать корону опекуну «святожительного» царя [26; 340], тем более, что Симеон был единственным, кто ранее, пусть номинально и менее года, властвовал «на Москве». Иначе говоря (как думал еще К.Н. Бестужев-Рюмин), запрет «дружиться» с прежним касимовским царевичем, по прихоти Ивана IV сделавшегося «великим князем», возможно, содержался уже в раннем варианте «клятвы» «пелукавому» (в оценке Тимофеева) венценосцу [27; 85; 28; 243]. К тому же эта присяга требовала от подданных Бориса не желать на трон и детей Симеона, и «иного никого» [29; 8], и др.

Таким образом, Борису Федоровичу подданные, видимо, присягнули уже вскоре после наречения (со времени которого он полновластно управлял страной [7; 211; 24; 59]), и повторное «крестоцелование» оказалось ненужным, не говоря уже о том, что аннулируя предыдущее, оно могло усугубить наступивший в 1598 г., по определению М. Перри, кризис «династической легитимности».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карамзин Н.М. История Государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 11.
2. Морозова Л.Е. Борис Федорович Годунов // Вопросы истории. 1998. № 1.

3. Мордовина С.П. К истории Утвержденной грамоты 1598 г. // Археографический ежегодник за 1968 год. М., 1970.
4. Временник Ивана Тимофеева. М.; Л., 1951.
5. Дробленкова Н.Ф. Борис Федорович Годунов // Словарь книжников и книжности Древней Руси (СККДР). Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988.
6. Дробленкова Н.Ф. «Грамота Утвержденная» // СККДР. Вып. 2. Ч. 1.
7. Павлов А.П. Соборная утвержденная грамота об избрании Бориса Годунова на престол // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1978. Т. 10.
8. Зимин А.А. В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России. М., 1986.
9. Платонов С.Ф. Очерки по истории Смуты в Московском государстве в XVI–XVII вв. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). 5-е изд. М., 1995.
10. Платонов С. Ф. Смутное время. СПб., 2001.
11. Мордовина С.П., Станиславский А.Л. Смоленская крестоприводная книга 1598 г. // Источники по истории русского языка. М., 1976.
12. Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1978.
13. Скрынников Р.Г. Россия накануне «смутного времени». М., 1981.
14. Скрынников Р. Г. Борис Годунов. М., 2003.
15. Ульяновский В. Смутное время. М., 2006.
16. Корецкий В.И. История русского летописания второй половины XVI–начала XVII в. М., 1986.
17. Ключевский В.О. Соч.: В 9 т. М., 1990. Т. 8.
18. Парфентьев Н.П. О деятельности строгановской мастерской книжно-рукописного искусства XVI–XVII вв. // Культура и искусство в памятниках и исследованиях. Вып. 5. Челябинск, 2007.
19. Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР): Середина XVI века. М., 1985.
20. ПЛДР: Вторая половина XVI века. М., 1986.
21. Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 34. М., 1978.
22. Псковские летописи / Под ред. А.Н. Насонова. Вып. 2. М., 1955.
23. Боярские списки последней четверти XVI—начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1. М., 1979.
24. Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584–1605 гг.). СПб., 1992.
25. ПСРЛ. Т. 36. М., 1987.
26. Мельникова А.С. События 1598 года и монеты Бориса Годунова // Исторические записки. Т. 109. М., 1983.
27. Бестужев-Рюмин К. Обзор событий от смерти царя Иоанна Васильевича до избрания на престол Михаила Федоровича Романова // Журнал Министерства народного просвещения. 1887. № 7. Отд. 2.
28. Бестужев-Рюмин К.Н. Борис Федорович (Годунов) // Русский биографический словарь. Т. Бетанкур–Бякстер. СПб., 1908.
29. Болотина Н.Ю. «Дела всякие делати и судити вправду» // Исторический архив. 1998. № 5–6.